

Автор:

Бударина Дарья Викторовна

студентка

Санкт-Петербургский филиал

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский

университет «Высшая школа экономики»

г. Санкт-Петербург

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА ИЛИ УЧАСТИЕ В НЕМ (СТ. 210 УК РФ): ЮРИДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: статья посвящена нормативному анализу и особенностям регламентации в уголовном законодательстве субъекта организации преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ст. 210 УК РФ). Автор рассматривает различные подходы к определению юридического содержания таких признаков, характеризующих субъекта посягательства как лицо, использующее свое служебное положение или занимающее высшее положение в преступной иерархии.

Ключевые слова: преступление, общественная безопасность, преступное сообщество, преступная организация, создание, руководство, координация, участие, служебное положение, высшее положение, преступная иерархия.

Статья 210 УК РФ, предусматривает уголовную ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) и участия в нем (ней). Непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения, оказываемые в сфере обеспечения общественной безопасности. Путем причинения вреда этим отношениям происходит посягательство на другие объекты (жизнь и здоровье граждан, собственности и т. п.).

Субъект преступления по ч. 1 и 2 ст. 210 УК РФ общий – вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие

совместно с членами преступного сообщества (преступной организации) конкретные преступления, подлежат уголовной ответственности лишь за те преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена законом с 14-летнего возраста.

В настоящее время, с учетом недавних изменений в частях 1, 1.1, 3, 4 ст. 210 УК РФ выделены два вида специальных субъектов: «лицо, использующее свое служебное положение», «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». К лицам, совершившим деяние, предусмотренное ч. 1 или ч. 2 ст. 210 УК РФ, с использованием своего служебного положения, следует относить как должностных лиц, так и государственных служащих и служащих органов местного самоуправления, не относящихся к числу должностных лиц, а также лиц, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой организации независимо от формы собственности или в некоммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным учреждением. При этом под использованием своего служебного положения в целях совершения деяний, указанных в ч. 1 или ч. 2 ст. 210 УК РФ, понимается не только умышленное использование лицом своих служебных полномочий, но и оказание влияния исходя из значимости и авторитета занимаемой им должности на других лиц в целях совершения ими определенных действий, направленных на создание преступного сообщества и (или) участие в нем [4].

Так, Тамбовским областным судом по ч. 3 ст. 210 и другим статьям УК РФ были осуждены Дутов, Бусин, Замков и Смирнов. Как видно из материалов дела, длительность существования преступного сообщества (более двух лет) и совершаемые его участниками хищения нефтепродуктов и их сбыт во многом обусловливались участием в нем отдельных сотрудников правоохранительных органов. В данном преступном сообществе существовала иерархическая структура, состоявшая из руководителей и исполнителей; оно было разделено на два структурных подразделения; существовала жесткая схема, согласно которой регу-

лярно изготавливались очередные врезки в нефтепровод, изыскивались специальные транспортные средства и места сбыта похищенного, разрабатывались способы конспирации, в том числе от правоохранительных и контролирующих органов [3].

Если с «лицом, использующее свое служебное положение», более или менее понятно, то с «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии» возникают много вопросов. Самым интересным, по нашему мнению, является, что понимается под «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии» [7, с. 45]. Данная проблема является одной из самых дискуссионных применительно к рассматриваемому составу преступления. Учитывая сказанное, выделим основные позиции. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии – это специальный субъект преступления, занимающий руководящее место или играющий руководящую роль в системе отношений, сложившихся в преступной организации, основанной на подчинении низших участников в этой организации высшим.

Думается, что отнесение конкретного лица к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, будет обоснованным лишь в случаях, когда установлено, что его воле подчинены все участники конкретной преступной организации (преступного сообщества), т.е. оно фактически является лицом, осуществляющим управленческие функции, определяющим основные направления преступной деятельности, организующим конкретные преступления. При этом наличие у лица статуса «вора в законе» само по себе еще не является безусловным основанием считать его лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, поскольку наличие этого статуса еще не означает, что именно это лицо является лидером преступной организации. А также введение данного термина («вор в законе»), считаем невозможным в Уголовный Кодекс ввиду того, что переходить на воровские понятия «глупо и оскорбительно для всего общества и народа нашей страны» [1]. В таком случае суд будет вынужден руководствоваться критериями, которые разработали сами преступники, что, по

нашему мнению, недопустимо. Заметим, что опыт регламентации ответственности «воров в законе» в грузинском уголовном законодательстве с очевидностью не подходит для отечественного уголовного права по многим причинам. Во-первых, закрепление в УК Грузии подобной нормы, которая противоречила принципам справедливости и законности, явно отвечало политическим популистским интересам пришедшей в середине нулевых годов к власти группировки экс-президента М. Саакашвили. Во-вторых, масштабы социума, в том числе, и криминальной его части в Грузии и в России несопоставимы. Только население Российской Федерации почти в 50 раз больше, чем в Грузии. В-третьих, «фронтальная» борьба с ворами в законе не решает кардинально задач по эффективному противодействию современной организованной преступности, которая уходит от архаичных «воровских» положений к финансово-экономическим, виртуальным, глобалистским формам.

Если все-таки говорить о существующей отечественной судебной практике, высшее положение в преступной иерархии признается тождественным такому понятию, как «воры в законе» [5], с чем мы в корне не согласны. При этом суды не раскрывают данное понятие. К примеру, суд указал только, что М., как организатор и руководитель преступного сообщества, действуя умышленно, из корыстных побуждений, занимал высшее положение в преступной иерархии, осуществлял организационные и управленческие функции в отношении преступного сообщества и его структурных подразделений, как при совершении преступлений, так и в целом при обеспечении функционирования преступного сообщества [6].

Поэтому предлагаем дополнить п. 24 Постановления № 12 и закрепить соответствующие критерии для решения вопроса о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ. К таковым могут относиться:

1. Статус лица должен быть высоким положением в преступной иерархии в целом и главенствующим – на определенной территории – в районе, городе, регионе.

2. Статус лица может выражаться в наличии в его распоряжении денег, ценностей и иного имущества, добытых преступным путем, а также осуществление раздела преступных доходов.

3. Наличие у лица международных криминальных связей.

4. Также необходимо устанавливать и отражать, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию преступного сообщества (преступной организации), либо по руководству таким сообществом, осуществлению мер по координации преступных действий, по созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разделу сфер преступного влияния (преступной деятельности), а также о наличии коррупционных связей с государственными и (или) муниципальными служащими. При этом суд для установления статуса такого лица может использовать один или несколько из указанных критериев, а также другие критерии, которые позволяют установить обозначенный статус лица [2, с. 29].

Список литературы

1. Голик Ю.В. «Вор в законе» или закон «по понятиям». Уголовный кодекс не должен переходить на язык «уголовников» / Ю.В. Голик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/ip_restricted.asp (дата обращения: 24.06.2019).

2. Глазкова Л.В. Понятие и виды организованных преступных групп: системный анализ [Текст] / Л.В. Глазкова // Мониторинг правоприменения. – 2016. – №1 (18). – С. 29–34.

3. Кассационное определение Верховного суда РФ от 14.02.2003 по делу №13-о02–22 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.06.2019).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06. 2010 г. N 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.06.2019).

5. Приговор Московского областного суда от 24.06.2013 г. по делу №2–24/13, 2–125/2012 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 25.06.2019).

6. Приговор Приморского краевого суда от 26.09.2013 г. по делу №2–345/2013 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 25.06.2019).

7. Шеслер А.В. Преступное сообщество: спорные вопросы теории. Отзыв о диссертации Д.А. Григорьева «Уголовно-правовая характеристика ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» / А.В. Шеслер // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – №3(45). – С. 45–47.